

СЕРИЯ
РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

СЕРИЯ
РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

Дмитрий Необходимов

Город-герой

Роман

Москва
Интернациональный Союз писателей
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н52

Продюсер проекта Елена Кувшинова

Необходимов, Дмитрий

Н52 Город-герой : роман / Дмитрий Необходимов. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2025. — 428 с. (Серия «Родина Зовёт!», премия имени А. Т. Твардовского).

ISBN 978-5-6054853-0-8

1942 год. Разгар Сталинградской битвы, самого кровопролитного сражения Второй мировой войны.

Город осознаёт себя живым существом. Он способен вмешиваться в судьбы людей и влиять на ход событий. Сможет ли он спасти от смерти Ивана Волгина, защитника Сталинграда?

В романе на фоне событий исторической битвы переплетаются судьбы простых людей — жителей города, его защитников и врагов-захватчиков. Герои проходят через ужасы войны, сохраняя силу духа, любовь и веру в жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Дмитрий Необходимов, 2025
ISBN 978-5-6054853-0-8 © Интернациональный Союз писателей, 2025

*Рвались сердца, тела сливались с камнем, кипела сталь,
Разил бойцов, стоявших насмерть, железный град.
«За Волгой нет земли!» — неслось с Кургана —
в вечность, вдаль...
Так устоял, не дрогнул и навек остался — Сталинград.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

...Смерть летела в лицо.

Иван вдруг отчётливо осознал её неотвратимость.

Время словно остановилось. Вернее, оно невероятно замедлилось — для него одного. В это мгновение ему показалось, что он смог заглянуть за край времени, так бесконечно долго оно длилось. Заглянуть и успеть увидеть, что будет дальше, после той яркой вспышки и оглушительного разрыва перед ним. После того как эти летящие с бешеной скоростью осколки врежутся в него, войдут в тело, разmozжат и расплющат его. И он перестанет жить и чувствовать.

Иван увидел, как продолжится наша атака — уже без него. Как город, отвоёванный и спасённый высокой ценой, будет освобождён и возродится. А на земле воцарится мир. Возможно, он не будет прочным и долговечным, но всё-таки это будет мир, а не война.

И каждый день, как это было всегда, продолжит восходить, рождаясь, а потом закатываться за горизонт, точно умирая, большое красивое огненное солнце. Так и земная жизнь будет идти по кругу, подобно родившейся весной траве, что цветёт летом, стареет осенью и умирает зимой. Чтобы новой весной снова воскреснуть. И так — по извечному кругу жизни и смерти этого мира.

Только его, Ивана, в этом мире не будет.

Всю свою жизнь он, оказывается, шёл по этому кругу — к своей смерти. И пока шёл, он радовался и печалился, приходил в отчаяние и надеялся. Он сражался и ненавидел. Он любил. Неужели именно сейчас всё кончится?

А почему бы всему и не кончиться? Разве как-то иначе это происходит? В этом мире, которому не было и нет никакого дела до твоей жизни. И до твоей смерти. В мире, который идёт своим чередом, а ты — своим. И лишь ненадолго тебе с ним было по пути.

Неожиданно гроыхнул второй разрыв, позади него. Иван почувствовал, что его подхватывает ударной волной, подкидывает над землёй и с невероятной силой швыряет вперёд, туда — навстречу неумолимо летящей на него смерти.

И перед ним стремительно пронеслась одним длинным, но сжатым в единый миг воспоминанием вся его непостижимая и необъятная, но такая короткая жизнь. Он успел ощутить, как она промчалась сквозь него, словно огненный вихрь, с размаху ударив в лицо потоком горячего воздуха.

2

Потоки горячего воздуха, разносимые ветром, дующим сразу со всех сторон, медленно струились вдоль улиц, приподнимая завитушки жёлтого песка на площадях и улицах. Несла, плавно огибая город, свои воды верная и давняя его спутница, величественная в своём спокойствии, — река. В жаркий июльский месяц 1942 года Сталинград жил своей обычной жизнью.

Однако город чувствовал нарастающую тревогу, она стягивалась к его окраинам, ткалась из незримых потоков, которые, подобно порывам ветра, раскалёнными струйками проносились сквозь него. Тревога эта сгущалась над ним, ощущалась в воздухе, пропитывала всё вокруг.

Город смутно помнил то время, когда он начал осознавать себя. Воспринимать себя живым. Живущим. Почти так, как, наверное, ощущают себя все его многочисленные обитатели, в особенности самые главные — люди. Ему никак не удавалось до конца понять этих созданий. Они всегда вызывали в нём огромный интерес, но он осознавал, что многие люди совсем не чувствовали его. Не понимали и не догадывались, что город, в котором они живут, тоже — живой.

Городу нравилось наблюдать за людьми. Они были очень похожи друг на друга, но у каждого из них был свой особенный свет. Это свечение, как и у любого живого и разумного организма, растения или существа, переливалось разными цветами: от белого к ярко-красному и через тёмно-серый опять — к белому. Наблюдая за людьми, город научился распознавать, какому настроению и состоянию соответствовал цвет, а также видеть причины и последствия изменений этих состояний.

Свет всегда сопровождал любого живущего человека. С самого момента рождения и ещё раньше, в материнской утробе, когда там зарождалась и начинала расти новая жизнь; необыкновенно маленькое, пока не сформировавшееся тельце человека соединялось с этим приходящим откуда-то сверху светом. И не расставалось с ним до самой смерти, после чего свет опять слабым, едва различимым бликом устремлялся вверх. А тело оставалось на земле и растворялось во времени.

Но город также видел, что не все сгустки света сразу устремлялись ввысь. Иногда они скользили вдоль поверхности земли, сливаясь с другими бликами. Многие из них не отлетали слишком далеко от своего остывшего тела, как будто какая-то незримая связь прочно удерживала их. Часто это было связано с принятой у людей

традицией погребения тел усопших в землю. И некоторые огоньки устремлялись вверх только после того, как тело было похоронено. Но многие всё равно продолжали долго блуждать по городу, то исчезая, покидая его, то возвращаясь вновь. Иные просто растворялись, как к полудню рассеивается утренний туман.

Неумолимо текло время по земле. Ничто, никакая сила, помимо воли самого времени, не могла нарушить его ход. Невозможно было замедлить, ускорить или остановить его движение, если только время само так не хотело. Время проносилось и сквозь город. И, видя, как сменяют друг друга поколения людей, наблюдая бесконечное движение их света по кругу, город не переставал удивляться тому, что все они были разными и каждый человек светился своим, принадлежащим только ему светом.

Однако некоторые из них помимо света излучали ещё и особое тепло. Оно было чем-то неуловимо похоже на тепло всех женщин, носящих внутри себя ребёнка и сияющих во время беременности гораздо ярче других людей. Ведь к их свечению добавлялся ещё и свет не родившегося пока ребёнка. Но у них это тепло со временем уходило, а у этих особенных людей теплота появлялась с самого начала и вела себя так, как и свет: то затухала, то усиливалась, в зависимости от текущего состояния человека. Город дал таким людям своё название — светлячки. Он подслушал это название у людей, и оно ему очень понравилось. Мысленно окрестив их так, он почувствовал, что тепло исходит из самого этого названия. Он знал, что в этом мире от имени зависит очень многое.

Городу особенно нравились эти люди-светлячки, он старался постоянно держать их в поле зрения. Как раз сейчас он ждал возвращения одного из таких людей. Человек был далеко, но двигался в сторону дома. Город чувствовал это и ждал.

Он сам согревался от тепла таких людей, и это было приятное ощущение. Он и себя осознавал огромным живым существом-светлячком, от которого тоже исходит удивительное тепло и свет. А люди, живущие в нём, представлялись ему неотъемлемой частью

его самого. Ему казалось, что он, как беременная женщина, носит всех этих находящихся внутри него созданий, как своих детей.

В такие моменты большой и сильный, очень многое повидавший на своём веку, суровый, спокойный, невозмутимый и беспристрастный город отчётливо, беспокойно и пронзительно осознавал необычайную хрупкость и незащищённость человеческой жизни в этом мире.

А тем временем в жаркий июльский воздух города подмешивалось не менее обжигающее дыхание людской войны. Высоко-высоко в небе летали чужие и враждебные самолёты-разведчики. Далеко на западе глухо звучали пушечные разрывы. На улицах города, в подъездах домов появлялись ящики с песком и бочки с водой — для тушения пожаров после возможных бомбёжек. Во внутренних дворах предприятий и многоквартирных домов выкапывались изломанные узкие траншеи-щели — для укрытия от авианалётов. Когда на улицы города спускалась вечерне-ночная темнота, электричество уже не включалось. Окна в домах закрывались, завешивались, затемнялись. Светились только прожекторы, механически ощупывающие ночное небо.

Вокруг и внутри города было тревожно. Он видел сплошное тёмно-серое свечение, надвигающееся на него издалека, с запада, а также беспокойные всполохи красных огней внутри себя и вокруг. Наблюдая всё это общее движение людских потоков из Сталинграда и в Сталинград, город чувствовал, как время само начинает изменять свой ход, незримо и почти неосязаемо огибая город, и как неумолимо подступает в этом жарком июльском месяце к границам города грядущее.

Шёл уже второй год тяжёлой войны. Отлаженная, безукоризненно чётко работающая военная машина врага, прокатившаяся победным маршем по многим странам, не встретив практически нигде серьёзного отпора, увязла и забуксовала. И сейчас Сталинград ощущал себя центром притяжения для всей изломанной, разделяющей страну полосы фронта. Городу казалось, что решающая схватка с врагом будет здесь. Именно в этом месте и будет решаться

судьба всей войны. Возможно, что здесь в итоге и решится, погибнет ли страна, раздавленная под фашистской пятой, или будет жить.

3

«...Жить. Жить! Только жить!» — стучало в голове старшего лейтенанта. Это была не столько мысль, сколько всеобъемлющее ощущение единственно оставшейся для него возможности, зародившееся где-то внизу живота, поднявшееся до груди и теперь толкающее его бежать вперёд. Вперёд! Прочь от смерти!

Это чувство билось в нём, гудело кровью в висках, заставляло петлять в окружающем грохоте, не разбирая пути, уворачиваясь, как ему казалось, от постоянных разрывов то сзади, то спереди, то сбоку, от свистящих вокруг него пуль, чей горячий и тугой воздушный след обжигал ему руки и лицо. Ему казалось, что от следующей пули, от ещё одного взрыва ему уже не увернуться. Ведь нельзя, невозможно избежать того, что предназначено именно тебе. Но очередной снаряд, летящий прямо в него, как казалось ему по нарастающему гулу, каким-то чудом разрывался в стороне. И это заставляло его бежать ещё быстрее, снова и снова пригибаться и отчаянно петлять.

Не так он представлял себе свой первый бой с немцами.

На изнуряющем марше в душные майские дни и ночи сорок второго года, когда с каждым километром, приближающим его роту к линии фронта, к передовой, приближалось к нему и то неизбежное и неведомое, чего он внутренне и пока ещё не вполне осознанно так страшился.

Старшему лейтенанту представлялось, когда они шли маршем, что местом его первого боя будет огромное, бескрайнее поле. Как в легендах про былинных богатырей, что сходились с неприятелем в «чистом поле». С одной стороны ровной линией враг, с другой — наши ряды.

Но здесь чёрт знает что творилось с самого начала боя, который длился уже несколько часов. Ни в одном учебнике такого не было,